

Научная статья

УДК 821.111-31Ондатже М.06(71)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-34-48

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В РОМАНЕ М. ОНДАТЖЕ «АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИЕНТ»

Воротникова Анна ЭдуардовнаВоронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия,vorotnikovaanna2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

Аннотация. Актуальность обращения к роману писателя-мультикультуралиста М. Ондатже «Английский пациент» обусловлена его смысловой многослойностью и идейной плюралистичностью. Цель статьи — исследовать проблему национальной и индивидуальной идентификации в произведении Ондатже и установить ее взаимосвязь с поисками истинного знания и возможностями его вербальной репрезентации. Реконструкция романной концепции осуществляется с привлечением основных достижений постмодернистской философской мысли (теорий деконструкции, интертекстуальности, метанарративов и т. п.), а также постколониальной критики. В фокусе особого внимания оказывается реализация бинарных оппозиций *свой – чужой, национальное – общечеловеческое, реальность – художественный вымысел, теоретическое познание – практическая деятельность, истина – ложь, чувство – разум, культура – варварство*. Ключевая идея пантекстуализма в «Английском пациенте» воплощается в образах и мотивах, связанных с литературой и чтением, которые трактуются преимущественно как атрибуты и феномены западной культуры, погруженной после Второй мировой войны в состояние эпистемологического и онтологического кризиса. Критика рационалистической европейской цивилизации в лице космополитически настроенного интеллектуала — английского пациента — осуществляется с позиций экзистенциального Другого — представителя альтернативной модели бытия, индийца Кирпала Сингха, который, однако, не отказывается полностью от плодов чужой культуры, но вбирает их в себя, расширяя горизонты своего духовного существования и обретая собственное место в родной национальной культуре. В конце делается вывод о концептуально значимом характере библейского текста, открывающего мифопоэтическое измерение в истории героев «Английского пациента», примиряющего антагонистические сущности и вносящего гуманистически-гармонизирующую струю в романное повествование.

Ключевые слова: постколониальная литература, нация, идентификация, постмодернизм, чтение, книга, текст, слово, дискурс, культура, миф.

Для цитирования: Воротникова, А. Э. (2025). Способы репрезентации знания о мире и человеке в романе М. Ондатже «Английский пациент». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 34–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-34-48>

Original article

UDC 821.111-31 Ондатже М.06(71)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-34-48

**WAYS OF REPRESENTING KNOWLEDGE
ABOUT THE WORLD AND MAN IN THE NOVEL
«THE ENGLISH PATIENT» BY M. ONDAATJE****Anna E. Vorotnikova**Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia,vorotnikovaanna2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

Abstract. The relevance of the appeal to the novel «The English Patient» by the multi-cultural writer M. Ondaatje is explained by its semantic layering and ideological pluralism. The purpose of the article is to explore the problem of national and individual identification in Ondaatje's work and to establish its relationship with the search for true knowledge and the possibilities of its verbal representation. The reconstruction of the novel concept is carried out with the involvement of the main achievements of postmodern philosophical thought (theories of deconstruction, intertextuality, metanarratives, etc.), as well as postcolonial criticism. The focus of special attention is the implementation of binary oppositions of *ours – others, national – universal, reality – fiction, theoretical knowledge – practical activity, truth – lie, feeling – rationality, culture – barbarism*. The key idea of pantextualism in «The English Patient» is embodied in images and motifs related to literature and reading, which are interpreted mainly as attributes and phenomena of Western culture, plunged after the Second World War into a state of epistemological and ontological crisis. Criticism of the rationalistic European civilization in the person of a cosmopolitan intellectual — the English patient — is carried out from the standpoint of an existential Other — a representative of an alternative model of being, an Indian Kirpal Singh, who, however, does not completely refuse the fruits of another culture, but absorbs them, expanding the horizons of his spiritual existence and finding his own place in his native national culture. In the end, a conclusion is drawn about the conceptually significant character of the biblical text, which opens up a mythopoetic dimension in the history of characters in «The English patient», reconciles antagonistic entities and introduces a humanistic-harmonizing stream into the novel narrative.

Keywords: postcolonial literature, nation, identification, postmodernism, reading, book, text, word, discourse, culture, myth.

For citation: Vorotnikova, A. E. (2025). Ways of representing knowledge about the world and man in the novel «The English Patient» by M. Ondaatje. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 34–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-34-48>

Введение

Западная литература конца XX века отмечена сосуществованием прямо противоположных тенденций: с одной стороны, постмодернизм как ведущее направление эпохи ориентирован на утверждение относительного и подвижного характера всех бытийных и художественных феноменов, упразднение центра и периферии, а следовательно, стирание любых границ, в том числе национальных; с другой стороны, вызванный подобной унификацией кризис индивидуальной и коллективной идентичности приобретает чрезвычайную остроту, вызывая к своему разрешению через поиск новых идейных концепций и свежих эстетических решений.

Диалектика диверсификации — единообразия самобытно воплощается в творчестве писателей-мультикультуралистов, предпосылками для которого послужили распад международной колониальной системы, процессы демократизации и глобализации вкупе с активизировавшимися миграционными потоками. Одним из авторов, представляющих транскультурную литературу, является канадский прозаик и поэт шри-ланкийского происхождения Майкл Ондатже (р. 1943), среди многочисленных творений которого наиболее известным остается роман «Английский пациент» (1992).

Произведение Ондатже неоднократно привлекало внимание исследователей (прежде всего зарубежных и в значительно меньшей степени отечественных) злободневностью и многоаспектностью подачи проблематики гетерогенного постколониального мира, тупикового развития современной цивилизации, столкновения восточного и западного типов менталитета и открытия иных форм общежития с учетом чужого национального опыта.

Сходясь во мнении о постмодернистской природе «Английского пациента», литературоведы утверждают в качестве ведущего принципа повествования плюрализацию представлений о действительности и человеческой личности (Kharbe, 2016, pp. 110–116; Ali, Arif, Ahmad, Bezar, 2013, pp. 111–113; Friedman, 2008, pp. 50–53; Авраменко, 2016, с. 116; Филюшкина, 2012, с. 71–74), что, в свою очередь, объясняет сложность концепции национального в романе Ондатже.

Писателя занимают не только и не столько пертурбации в лишившемся прочных оснований послевоенном мире, сколько вызванный ими духовный кризис дезинтегрированной личности. Невозможно не согласиться с О. А. Джумайло, которая пишет: «Постколониальная художественная литература, помимо собственно рефлексии о колониальном прошлом и сложном (неоколониальном, гибридном, космополитичном) настоящем, в силу своей специфики погружения в перипетии судьбы и воссоздания опыта конкретного человека, наиболее заостряет вопросы идентичности и права на ее выражение» (Джумайло, 2022, с. 157). Кризис идентичности указывается в качестве главной проблемы постколониальной литературы в монографии О. Г. Сидоровой (Сидорова, 2005,

с. 4–5 и др.) и в работах зарубежных ученых (Ashfaq, Aurangzeb, Naeem, 2022, p. 200; Dizay, Tahir, 2024, p. 72).

Осуществление личностной и национальной самоидентификации Ондатже ставит в прямую зависимость от возможностей ее текстуализации. В предлагаемой статье предпринимается попытка установления связей между поисками своего Я, постижением мира и человека и выражением полученного знания в языке. Концептуализация этих коррелирующих в «Английском пациенте» процессов по-прежнему не утрачивает своей актуальности. Анализ постмодернистских способов репрезентации познания и его результатов на материале недостаточно изученного романа М. Ондатже обуславливает новизну проведенного исследования.

Продуктивным в нашей научной рефлексии представляется обращение к триаде значимых в постмодернистской методологии феноменов *слово – текст – культура*, которые являются объектом осмысления в трудах Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ф. Лиотара и других философов XX века. Еще одним методологическим источником послужили уже ставшие классическими работы постколониальной критики Х. Бхабхи, М. Л. Прэтт, Г. Спивак.

Ход исследования

Одна из отличительных черт романа Майкла Ондатже «Английский пациент» — это его настойчиво манифестируемая пантекстуальность. Собственно романной истории предпослан отрывок из протокола заседания лондонского Географического общества, в котором сообщается о гибели Джеффри Клифтона и его жены Кэтрин в 1939 году во время экспедиции в пустыне. Чета Клифтонов, представленная как реально существующая, продолжает свою дальнейшую жизнь уже в пространстве художественного вымысла произведения Ондатже, а якобы имеющий место в действительности цитируемый текст протокола обрывается многоточием, сигнализирующим о продолжении заседания географов в затекстовом пространстве. Уже этот задел воплощает базовый принцип дальнейшего постмодернистского романного повествования — фрагментарного, фасеточного, местами ахронического.

В «Английском пациенте» постоянно варьируется мысль о том, что все явления и процессы в человеческом мире обладают текстовой природой, обеспечивающей возможность созидания единого культурного пространства. В романе можно обнаружить множество текстов. Так, возникает пустынный текст, наполненный научными сведениями об особенностях природы пустыни, жизни населяющих ее кочевников и ее истории, а также мифопоэтическими образами. Индийский сикх Кирпал Сингх (Кип) пытается прочесть послание, запечатленное на церковных фресках и в скульптурных изображениях Девы Марии и пророка Исайи. Говорящей предстает дорога с ее названиями городов,

через которые проезжает Кип, покидающий Италию в конце романа. Азиатские улицы, подвергнувшиеся американской атомной бомбардировке, видятся индийцу сжигаемым «бумажным листом карты» (Ондатже, 2020, с. 368). Полуразрушенная итальянская вилла Сан-Джироламо, где находят временное пристанище герои, напоминает «книгу с недостающими главами» (Ондатже, 2020, с. 17).

Метафора книги возникает в представлении английского пациента, в действительности венгерского графа Ласло Олмаши, о его отношениях с Кэтрин Клифтон: «Он хочет, чтобы они прильнули друг к другу, словно страницы закрытой книги...» (Ондатже, 2020, с. 203). Самого себя Олмаши также сравнивает с книгой: «Или я для вас — дешевая книжонка, которую можно прочитать и забыть?» (Ондатже, 2020, с. 328) — спрашивает он Дэвида Караваджо. Как тексты читаются не только человеческие судьбы, но и тела. Прежде всего это относится к телу Олмаши, образ которого не раз интерпретировался как символическое подобие палимпсеста, скрывающего под слоями обгоревшей кожи историю прежней жизни героя и, шире, историю упадка колониальной Британской империи и тупикового развития западной культуры в целом (Hilger, 2004, pp. 39–42; Burcar, 2007, p. 104).

Порождение текстовой реальности представлено в романе как двуединство акта написания и чтения. Английский пациент становится своего рода соавтором Геродота, «Истории» которого он копирует в свою записную книжку, дополняя их картами, дневниковыми наблюдениями, пометками на разных языках, абзацами текста, вырезанными из других книг. Древний трактат, который Олмаши переосмысляет в свете событий многовековой истории человечества, неожиданным образом становится частью его собственной личной истории, поскольку роковая страсть графа к Кэтрин рождается в нем при звуке ее голоса, читающего отрывок из Геродота. Парадигматический рассказ о Кандавле и его царице предвосхищает измену Кэтрин своему мужу: «...Кэтрин нашла в этой книге окно в свою жизнь» (Ондатже, 2020, с. 299), — и как будто получает свое развитие в судьбе героев. Позже Олмаши оставит книгу древнегреческого автора с умирающей возлюбленной в качестве залога своей верности.

Чтение является одним из ведущих романских мотивов. Знакомство с классическими произведениями, произошедшее под влиянием общения с английским пациентом, задает модус размышлений канадской медсестры Ханы, служит матрицей ее памяти, позволяет сформировать представление о меняющемся мире и выработать стратегию взаимодействия с ним. При этом автор утверждает мимесис наоборот: не только литература подражает реальности, но и реальность — литературе. Так, появление Кипа подготовлено чтением Ханой романа Киплинга «Ким». Проблема первичности литературы и реальности обыгрывается автором, сравнивающим не только виллу с книгой, но и книгу со зданием, порог которого переступает читатель: «Начиная читать книгу,

она (Хана. — А. В.) словно входит через парадные ворота в огромные дворы. Парма, Париж, Индия расстилают перед ней свои ковры» (Ондатже, 2020, с. 125).

Чтение связывает героев Ондатже с ранее созданными литературными персонажами и с затекстовыми читателями романа «Английский пациент». Писатель исподволь внушает мысль о том, что весь мир есть текст, а все живущие являются читателями. Однако автора и его героев, по-видимому, занимает больше сама возможность читабельности этого вселенского текста и его верного истолкования. И если «мысль изреченная есть ложь», то у Ондатже понятие лжи трактуется предельно широко, слово «ложь» многократно возникает в романе, распространяясь на всю культуру, где означаемое часто заслоняет собой означаемое, а дискурс о действительности превалирует над самой действительностью. Понятие лжи возникает во множестве контекстов: ложно воспринимаемые образы героев, ложь в отношениях, ложь внутри себя, ложно употребленные слова, ложное восприятие культуры, как чужой, так и своей родной.

Мотив лжи, ошибочного понимания, неистинного знания пронизывает собой как интимную, частную, так и историческую и онтологическую сферы. Кэтрин говорит Олмаши о своей ненависти ко лжи, но изменяет при этом мужу. Мэдокс носит с собой толстовскую «Анну Каренину», «постоянно перечитывая эту историю о любви и обмане» (Ондатже, 2020, с. 305).

Дух сомнения витает и над большой историей, облеченной в форму метанарратива (Лиотар, 1998, с. 9–144), развенчание культа которого осуществляется в романе за счет использования мини-нарративов в качестве организующей единицы повествования. Олмаши указывает на ненадежность исторического дискурса, так как полное и точное знание о прошлом представляется невозможным, память и воображение по-своему интерпретируют минувшее, в которое проникают поэзия, миф, легенда и просто субъективные оценки и фальсификация. Возникает расхождение между речью о предмете и самим предметом. Геродот, известный как «отец истории и отец лжи», в книге которого Олмаши находит неточности и ошибки, тем не менее завораживает исследователя-скептика живостью и лиризмом описаний ушедших народов и событий. «Истории» Геродота — парадигматический для концепции Ондатжи текст, подрывающий представления о строгом фактуальном научном дискурсе, бегущий всякой регламентации и утверждающий примат бесконечного многообразия проявлений жизни и легитимность любых форм ее рефлексии.

На примере судьбы самого Олмаши осуществляется релятивизация и деконструкция понятия факта как знака истины и воплощения неколебимого знания. Обгоревшего венгерского графа, ошибочно принимаемого за англичанина, Карваджо разоблачает как немецкого коллаборанта, но постепенно обнаруживает недостаточность сделанного вывода относительно мотивов поступков Олмаши: сотрудничество героя с фашистами может в равной степени оцениваться как предательство с общественно-политической точки зрения

и как подвиг, совершаемый во имя любимой, с человеческих гуманистических позиций. Обитатели виллы, пытающиеся вершить суд над «нацистом» (Ондатже, 2020, с. 382) Олмаши, пасуют перед принципиальной неосуществимостью своей миссии. Оказывается, что судят они не столько английского пациента, сколько самих себя, в результате чего возникает классическая в психоанализе ситуация проекции (Hilger, 2004, pp. 42–46; более подробно о связях постколониального дискурса и психоанализа см.: Greedharry, 2024).

Безымянный таинственный незнакомец притягивает к себе всех остальных героев, утративших свой исток и пребывающих в состоянии кризиса самоидентичности. Индеец Кип, поначалу старающийся вписаться в западное общество, резко порывает с ним в конце романа, производя таким образом расчет со своими внутренними заблуждениями. В поисках своего места в мире, представления о котором подверглись катастрофическому слому в результате Второй мировой войны, пребывают канадцы Хана и Караваджо.

Все герои ведут номадическое существование: они скитаются по жизни, уподобившейся пустыне, по которой водил евреев Моисей и в которой библейские пророки вопрошали Всевышнего об истине. Послевоенный мир, лежащий в руинах смысла, встраивается в ставший глобальным пустынный текст. Номадизм как бытийный принцип коррелирует в произведении с поиском истинного знания, которое заявляет о себе в слове и через слово.

Проблема репрезентации знания о мире и о человеке в языке концептуально значима в романе. Страстным приверженцем западной культуры слова предстает английский пациент, энциклопедист и интеллектуал, наделенный феноменальной памятью и превративший собственное сознание в подобие вселенской библиотеки, но ощущающий одновременно духовную ограниченность и ущербность своего гипертрофированно развитого рацио. Парадоксальность личности и судьбы Олмаши заключается в том, что, будучи властелином книжной культуры и мастером слова, он погружается в эпистемологический, а через него и в экзистенциальный скепсис, начинает испытывать глубокие сомнения в моральной легитимности западной цивилизации, скатившейся в варварство Нового времени — в «последнюю средневековую войну» (Ондатже, 2020, с. 91). Выражением этого внутреннего надлома являются эскапистские порывы Олмаши, пытающегося обрести инобытие в пустыне, где он как неопит принимает веру в картографию телесности: «Верю в эту картографию, выполненную самой природой, а не в гроздь имен на карте <...>. Все, чего я хотел, — это пройти по такой земле, где нет карт» (Ондатже, 2020, с. 340).

Картография, как и язык, выступает в романе метафорой колонизаторских устремлений западного человека, склонного классифицировать и упорядочивать все бытийные проявления, находить для них слова, в действительности не способные вместить широту смысла и множественность значений (о символизме картографии см.: Пономарев, 2020, с. 358–359, 364–366). Бедуины, племена которых часто вообще лишены названий, дали множество имен

пустыне, сделав ее неуловимой субстанцией для европейца с его принципами четкого вербально-семантического членения мира. Кочевники продолжают жить в мифе, где субъект неотделим от объекта, мысль от чувства, означаемое от означающего. Неслучайно пустыня заставляет говорить ее исследователей — ученых педантов — стихами, пробуждает в них визионерские способности и одновременно дезориентирует их, лишая карты действенной силы.

Пустыня становится для Олмаши, ощущающего истощенность гуманистического потенциала западной цивилизации, подобием восточной нирваны, в которой распадаются дихотомии западного мира, аннигилируются национальные, религиозные и культурные различия. Именно в пустыне намечается возможность ухода от безапелляционной централизации в моделировании картины мира, от пресловутого европоцентризма, жестко регламентирующего отношения середины и периферии.

В западном мире аналогом пустыни служит лежащая в развалинах итальянская вилла, построенная в эпоху Возрождения, — символ крушения гуманистической концепции, провозгласившей уникальную человеческую личность высшей ценностью. Судьба Олмаши иллюстрирует кризис просветительского проекта Человека. Совершенный *Homo sapiens*, протагонист предпринимает попытку бегства из мира означаемых и означающих, воплощающуюся в утрате имени как знака индивидуальной определенности и в превращении Олмаши в английского пациента — персонифицированный образ больной западной цивилизации.

Чрезмерно укорененный в европейском культурном проекте, Олмаши оказывается до конца неспособным обрести свободу индивидуального бытия вне нации, вне истории, вне общества. Хотя Хана и Караваджо — первая сразу, второй постепенно — приходят к признанию права главного героя на личностную автономию, для Кипа как носителя восточного менталитета и альтернативной картины действительности английский пациент — «нацист», как он называет его, — остается типичным представителем рационализма, европоцентризма и имперскости. Для индийца, одержимого идеей порабощения его нации британцами, образ Олмаши деиндивидуализируется, утрачивая свою сингулярность и приобретая обобщенный характер, т. е. превращаясь в символ колониаторских устремлений.

Обозначение «английский пациент», примененное к герою-венгру, да еще и вынесенное в название произведения, — пример деконструкции. Безымянность протагониста, редукция его личности до национальной принадлежности имеют двоякое значение. С одной стороны, это проявление все того же всеохватного заблуждения, в котором герои пребывают в отношении себе подобных. Навешенный на обгоревшего незнакомца ярлык — негативный пример дискурсивизации неповторимого индивидуального начала, влекущей за собой опасность расчеловечивания для других.

С другой стороны, превращение в английского пациента — закономерный итог жизненного пути графа Олмаши с его одержимостью словом, фетишизируемым в западной культуре: слово есть результат процесса абстрагирования, убивающего уникальную сущность единичного явления. Панлингвизм и пантекстуализм, завладевшие цивилизованным миром, чреватые подменой сущности видимостью, реальности дискурсом.

В сюжетной линии английского пациента, погруженного в пространство слов и идей, прослеживается проблема духовной дезориентации и, если не полной утраты, то релятивизации, размытости нравственных критериев, отданных на откуп чистому мышлению. В проповедуемой Олмаши апологии космополитизма, индивидуалистической замкнутости, тяге к универсализму и обращенности к «чистому духу», в пренебрежении «политическим инстинктом и волей» (Манн, 1961, с. 289), в его фаустианской самозабвенной поглощенности исследованием мира слышатся отдаленные отголоски немецкой антифашистской проблематики. Разумеется, было бы неверно абсолютизировать эти лишь контурно намеченные параллели и усматривать в смерти английского пациента приговор высокомерию интеллекта как таковому. Заслуга Ондатже как раз и состоит в умении избегать беспепелляционных суждений о человеке, в показе его внутренней сложности и неоднозначности, в чем видится своеобразный гуманизм постмодернистской эпохи.

Рационалистически-дискурсивная природа образа Олмаши не исчерпывает его бытия, в котором не меньшее место занимает пусть и подвергшаяся выхолащивающему влиянию вербализации, но все же страстно-чувственная ипостась, раскрывающаяся наиболее полно в трагической любви героя к Кэтрин. Примечательно, что протагонист, сделавший главным принципом отношений с миром его дискурсивизацию и текстуализацию, упрекает возлюбленную в ее приверженности слову: «Кэтрин всегда хотела слов — любила их, выросла среди них. Слова давали ей ясность, имели причину, форму. А для меня в словах тонули эмоции, как камешки в воде» (Ондатже, 2020, с. 307). При этом ранее английский пациент, рассказывающий о воздействии на него истории о Кандавле, услышанной из уст Кэтрин, утверждает противоположное: «Слова, Караваджо, имеют силу» (Ондатже, 2020, с. 301). Сама страсть героя носит книжный дискурсивный характер: рождается при звуке женского голоса, читающего книгу, после физической смерти своего объекта окутывается образами легенд и мифов, почти утрачивая связь с земным образом возлюбленной.

Основываясь на случаях многочисленных фактических нестыковок в рассказе Олмаши, ведущегося то от первого, то от третьего лица, И. Ксицепольска выдвигает любопытную версию о сомнительности любовной истории английского пациента, которая, вероятнее всего, является плодом воспаленного воображения героя-сочинителя и таким образом встраивается в ряд других фикциональных текстов, составляющих художественное полотно романного повествования (Ksiezopolska, 2011).

Необходимо заметить, что не только английский пациент выступает страстным приверженцем слов; остальным романским героям также не дано уйти от их почти магического воздействия: обольщение словом лежит в основе всей европейской культуры. Караваджо объясняет очарование, исходящее от английского пациента, его познаниями и способностью облекать их в нужную вербальную форму: «Потому что мы хотим знать, как все происходит, из чего складывается. Те, кто умеет говорить, умеют обольщать. Слова заводят в тупик» (Ондатже, 2020, с. 161).

Вне зависимости от степени дискурсивизации реальной жизни английского пациента, на гибель он обречен, как думается, из-за собственной внутренней раздвоенности — неспособности достичь гармонии антагонистических начал — чувственного и рационального. Хотя граф Олмаши и пытается бежать в пустыню, служащую семантическим противовесом западной цивилизации, с одержимостью словом в самом себе он так и не может совладать. Английский пациент — образ, синтезирующий все достижения культуры, но одновременно это образ праздного, блуждающего духа — своего рода духовного фланера, лишённого онтологического основания в реальности.

Личность протагониста, погруженная в стихию знаков культуры, постепенно теряет свою уникальность, становясь дискурсивной маской в калейдоскопе текстов. Неслучайно единственным, что остается от Олмаши, является его записная книга, в которой уже окончательно растворяется — дискурсивизируется личность героя. Он навсегда уходит в запечатленный им интертекст, как в свою гробницу.

Привилегия возрождения к инобытию через открытие нового гуманистического измерения дается в романе не английскому пациенту, а не слишком образованному и молчаливому, но живущему в согласии со своей природой, наделенному естественными реакциями и непосредственным восприятием мира индийцу Кипу, который, будучи потрясенным американскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, отказывается от идеи найти свое место в британском культурном пространстве — пространстве смерти — и возвращается к национальным корням — к жизни и жизнотворчеству: на родине он, бывший сапер, посвящает себя служению людям — становится врачом.

Примечательно, что сикх, принявший решение уйти из западного общества, вновь обретает свою национальную и личностную идентичность через имя и посредством имени, как будто открывая его вновь и окончательно закрепляя за собой — процесс, противоположный тому, что происходит с Олмаши, превращающимся в безымянного английского пациента. Насмешливо прозванный англичанами Кипом (по созвучию с kipper — «копченой селедкой»), индеец возвращает себе свое полное имя: «Его зовут Кирпал Сингх — и непонятно, что он здесь делает» (Ондатже, 2020, с. 373). Означающее и означающее вступают в нерасторжимый в своей органичности союз. Однако путь к обретению себя, своего имени и своего места в мире пролегает для Кирпала Сингха не через полный разрыв с Западом как с культурным и экзистенциальным Другим, а через принятие этого Другого. Уже покидающий Италию

«сикх верил в обгоревшего пациента и луга цивилизации, о которых тот заболел» (Ондатже, 2020, с. 382).

Если для Олмаши национальное — это ограничивающая и в конечном счете калечащая человеческую индивидуальность сила, лишаящая ее свободы, сужающая ее мировоззренческий кругозор, то для Кирпала Сингха возврат к национальному знаменует приход к себе. Герой спасается от мнимой и двусмысленной принадлежности к британской цивилизации, в которой он остается аутсайдером, несмотря на свои заслуги перед англичанами и дружбу с ними.

Конфликт английского пациента и сикха — это столкновение представителей двух антагонистических миров, двух концепций Человека, но это и диалог двух культур, пусть и наполненный внутренним напряжением высокого градуса. Эсхатологизм эпохи означает для Кипа не конец истории, как для Олмаши, а лишь переход на новый жизненный этап, но уже в лоне собственной культуры, привязанность к которой он не смог бы постичь в полной мере, если бы его индивидуальное видение индийского мира не было обогащено опытом взаимодействия с европейцами. В межкультурном пространстве — *in-between spaces* (Bhabha, 1994, p. 216) — существует не только опасность утраты идентичности, но и возможность рождения новой. Автор утверждает открытость навстречу Другому в качестве животворного принципа бытия.

Не обрывающаяся окончательно после ухода индийца связь с английским пациентом и сконцентрированной в его образе европейской культурой устанавливается прежде всего через библейский текст. Наделенный более многомерным видением действительности, Кип и чужую религию — христианство — способен прочувствовать глубже, чем сами ее носители, разувверившиеся в действенности Божественных законов. Прежде всего имеется в виду воплощающий тупиковость европейского христианства случай Мэдокса, который не смог вынести несовпадения сущего — библейских заповедей — и данного — войны, нарушающей их, и покончил с собой во время церковной милитаристской проповеди: выступая своим суицидом против человекоубийства, герой становится собственным убийцей. Попрание христианских ценностей в западной культуре — наиболее яркое проявление ее кризиса.

Для Кипа важен опыт знакомства с великими шедеврами европейского искусства, и в особенности с библейскими образами Девы Марии и пророка Исаяи. С первой связана идея спасения и продолжения жизни: неслучайно Богородица является саперу в критические моменты, когда ему грозит смерть. Концептуально значим образ Исаяи, носителя истинного слова, пророчества которого вписаны в настольную книгу атеиста Олмаши «Истории» Геродота — его «личную священную книгу» (Ондатже, 2020, с. 382). Рассеянные по тексту романа в виде отдельных цитат, они оказываются созвучны его ключевым идеям. Актуальным антимилитаристским смыслом наполняется видение прихода Царствия Небесного, когда народы «перекуют мечи свои на орала» (Ис. 2:4). Обличение пророком тех, кто лицемерно почитает Бога лишь на словах,

а не на деле (Ис. 29:13), соотносится с проблемой опустошенного слова, воплощающего в романе кризис западной культуры, чрезмерно увлеченной вербальным самовыражением в ущерб живому практическому освоению мира. Утверждаемая Исайей невозможность замены Бога его рукотворным изображением (Ис. 40:12–31) отсылает к художественно совершенным фрескам и статуям, представляющим в «Английском пациенте» христианские образы, которые существуют в культурном европейском сознании преимущественно в своей эстетической ипостаси как произведения искусства. В более широком смысле речь должна вестись о проблемных отношениях означаемого и означающего, когда последнее заслоняет собой первое, лишая его сущностного содержания. Фраза Исайи о неисследимости Божественного разума (Ис. 40:28) намечает пределы рационального познания, культивирование которого в западном сознании косвенно повлияло на его кризис. А пророчество Исайи о пришествии в мир Иисуса (Ис. 7:14, 9:6) — Логоса, воплощенного Божественного слова, — намечает противовес той словесной шелухе, которой западная цивилизация пытается заполнить свою духовную пустоту.

Пророчества Исайи служат идейным аккомпанементом сюжетной линии представителя неевропейской культуры — индийца Кипа — как более восприимчивого к Божественной истине. В этой связи можно вспомнить и пророчество Исайи об отпадении иудеев от Бога и о занятии их места уверовавшими языческими народами (Ис. 19:23).

Заключение

Концептуальное единство многослойно-фрагментарному повествованию Ондатже придает библейский текст, утверждающий общечеловеческое, вневременное и универсальное, которое по-настоящему глубоко сумел прочувствовать индиец Кирпал Сингх — именно ему и принадлежит будущее. Мифопоэтическое начало не дает окончательно распасться картине руинированного существования и заключает в себе надежду на его восстановление.

Миф, воплощенный в романе в библейской образности, выстраивает каркас мироздания, которому нет конца. Эсхатология судеб всего человечества и частных судеб героев неминуемо должна обернуться новым началом. Мифопоэтический космос, просвечивающий сквозь хаос растерзанного войной мира, несет в себе потенции к возрождению, а следовательно, к принципиальной неистребимости жизни.

Восстановлен ли космический бытийный порядок в конце романа, когда все герои возвращаются в родные страны, а английский пациент обретает вечный покой, остается тем не менее неясным. Книги судеб не могут быть дописаны в силу принципиальной невозможности завершить бытийный проект. Это типично постмодернистское мироощущение, присущее автору, более не владеющему монополией на знание конечной истины.

Список источников

1. Kharbe, A. (2016). Postmodern traits in Michael Ondaatje's «The English Patient». *Epitome Journals*, 9(2), 110–122.
2. Ali, S., Arif, M. Sh., Ahmad, S., & Bezar, M. (2013). Textuality and subjectivity: post-modernist view of the novel «The English Patient». *International Journal of Linguistics*, 1(5), 105–114.
3. Friedman, R. D. (2008). Deserts and gardens: Herodotus and «The English Patient». *A Journal of Humanities and the Classics*, 3(15), 47–84.
4. Авраменко, И. А. (2016). Поэтика проницаемых границ: «Английский пациент» М. Ондатже как роман-воспоминание. *Мировая литература в контексте культуры*, 5(11), 108–118.
5. Филюшкина, С. Н. (2012). Повествовательные стратегии и проблема авторской позиции в романе Майкла Ондатже «Английский пациент». *Память и нарратив* (с. 68–75). С. Н. Филюшкина, Д. А. Чугунов (Ред.). Наука-Юнипресс.
6. Джумайло, О. А. (2022). Современный роман и уязвимость постколониального субъекта. *Новое прошлое*, 3, 154–161.
7. Сидорова, О. Г. (2005). *Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании*. Издательство Уральского университета.
8. Ashfaq, S., Aurangzeb, & Naeem, A. (2022). Home Boy: A Case of Identity Crises and Transformation. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 6(3), 200–208.
9. Dizayi, A. H., & Tahir, A. S. (2024). Postcolonial Identity Crisis in Selected Contemporary Novels. *Journal of Language Studies*, VI(4), 70–79.
10. Деррида, Ж. (2000). *Письмо и различие*. А. Гараджа, В. Лапицкий, С. Фокин (Пер.). Академический Проект.
11. Кристева, Ю. (2013). *Семиотика. Исследования по семанализу*. Э. А. Орлова (Пер.). Академический Проект.
12. Барт, Р. (1989). *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. (Пер. с фр.). Г. К. Косиков (Ред.). Прогресс.
13. Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Н. А. Шматко (Пер.). Институт экспериментальной социологии; Алетейя.
14. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. Routledge.
15. Pratt, M. L. (2008). *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. Routledge.
16. Spivak, G. (2012). *In Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. Routledge.
17. Ондатже, М. (2020). *Английский пациент*. Н. Г. Кротовская (Пер.). Эксмо.
18. Hilger, S. M. (2004). Ondaatje's «The English Patient» and Rewriting History. *Comparative Literature and Culture*, 3(6), 38–48.
19. Burcar, L. (2007). Re-Mapping Nation, Body and Gender in Michael Ondaatje's «The English Patient». *The flesh made text made flesh: cultural and theoretical returns to the body* (pp. 99–110). Z. Detsi-Diamanti, K. Kitsi-Mitakou, E. Yiannopoulou (Eds.). P. Lang.
20. Greedharry, M. (2024). A thousand tiny theories: The colonized subject, postcolonial literature, and decolonial epistemologies. *Psychoanal Cult Soc*. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41282-024-00470-4#article-info>
21. Пономарев, Е. (2020). Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России. *Новое литературное обозрение*, 1(161), 355–377.

22. Манн, Т. (1961). *Культура и политика*. Е. Эткинд (Пер.). Собрание сочинений: в 10 т. Н. Н. Вильмонт, Б. Л. Сучков (Ред.). Т. 10: Статьи 1929–1955 (с. 288–296). Гослитиздат.

23. Ksiezopolska, I. (2011). Recycling the Self: Cultural Amnesia in Michael Ondaatje's «The English Patient». *A Culture of Recycling: Recycling Culture? Repetitiveness, Recurrence, Cyclicity*. Peter Lang Publishing. https://www.academia.edu/3745330/Recycling_the_self_cultural_amnesia_in_Michael_Ondaatje_s_The_English_Patient

24. Книга пророка Исайи. (1987). *Толковая Библия, или Комментарии на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета*: в 3 т. А. П. Лопухин (Ред.). Т. 3. Институт перевода Библии в Стокгольме.

References

1. Kharbe, A. (2016). Postmodern traits in Michael Ondaatje's «The English Patient». *Epitome Journals*, 9(2), 110–122.

2. Ali, S., Arif, M. Sh., Ahmad, S., & Bezar, M. (2013). Textuality and subjectivity: post-modernist view of the novel «The English Patient». *International Journal of Linguistics*, 1(5), 105–114.

3. Friedman, R. D. (2008). Deserts and gardens: Herodotus and «The English Patient». *A Journal of Humanities and the Classics*, 3(15), 47–84.

4. Avramenko, I. A. (2016). The poetics of permeable borders: M. Ondaatje's «The English Patient» as a memory novel. *World Literature in the Context of Culture*, 5(11), 108–118. (In Russ.).

5. Filyushkina, S. N. (2012). Narrative strategies and the problem of the author's position in M. Ondaatje's «The English Patient». *Memory and narrative* (pp. 68–75). S. N. Filyushkina, D. A. Chugunov (Eds.). Nauka-Unipress. (In Russ.).

6. Dzhumajlo, O. A. (2022). The modern novel and the vulnerability of the postcolonial subject. *Novoe proshloe*, 3, 154–161. (In Russ.).

7. Sidorova, O. G. (2005). *The British postcolonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature*. Izdatel' stvo Ural' skogo universiteta. (In Russ.).

8. Ashfaq, S., Aurangzeb, Naeem, A. (2022). Home boy: a case of identity crises and transformation. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 6(3), 200–208.

9. Dizayi, A. H., & Tahir, A. S. (2024). Postcolonial identity crisis in selected contemporary novels. *Journal of Language Studies*, VI(4), 70–79.

10. Derrida, J. (2000). *Writing and difference*. A. Garadzha, V. Lapitsky, S. Fokin (Trans.). Akademicheskij Proekt. (In Russ.).

11. Kristeva, J. (2013). *Desire in Language: a semiotic approach to literature and art*. E. A. Orlova (Trans.). Akademicheskij Proekt. (In Russ.).

12. Barthes, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics* (Trans.). G. K. Kosikov (Ed.). Progress. (In Russ.).

13. Lyotard, J-F. (1998). *The postmodern condition*. H. A. Shmatko (Trans.). Institut eksperimental'noj sociologii; Aletejya. (In Russ.).

14. Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.

15. Pratt, M. L. (2008). *Imperial eyes. Travel writing and transculturation*. Routledge.

16. Spivak, G. (2012). *In other worlds: Essays in cultural politics*. Routledge.

17. Ondaatje, M. (2020). *The English Patient*. N. G. Krotovskaya (Trans.). Eksmo. (In Russ.).

18. Hilger, S. M. (2004). Ondaatje's «The English Patient» and rewriting history. *Comparative Literature and Culture*, 3(6), 38–48.
19. Burcar, L. (2007). Re-Mapping nation, body and gender in Michael Ondaatje's «The English Patient». *The flesh made text made flesh: cultural and theoretical returns to the body* (pp. 99–110). Z. Detsi-Diamanti, K. Kitsi-Mitakou, E. Yiannopoulou (Eds.). P. Lang.
20. Greedharry, M. (2024). A thousand tiny theories: The colonized subject, postcolonial literature, and decolonial epistemologies. *Psychoanal Cult Soc*. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41282-024-00470-4#article-info>
21. Ponomarev, E. (2020). Postcolonial theory and literature of travel. A view from Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1(161), 355–377. (In Russ.).
22. Mann, Th. (1961). *Culture and politics*. E. Etkind (Trans.). Collected works: in 10 vols. N. N. Wilmont, B. L. Suchkov (Eds.). Vol. 10: Articles 1929–1955 (pp. 288–296). Goslitizdat. (In Russ.).
23. Ksiezopolska, I. (2011). Recycling the self: cultural amnesia in Michael Ondaatje's «The English Patient». *A culture of recycling: recycling culture? Repetitiveness, recurrence, cyclicity*. Peter Lang Publishing. https://www.academia.edu/3745330/Recycling_the_self_cultural_amnesia_in_Michael_Ondaatje_s_The_English_Patient
24. The Book of the Prophet Isaiah. (1987). *The Explanatory Bible, or Commentaries on all books of Holy Scripture of the Old and New Testaments*: in 3 vols. A. P. Lopukhin (Ed.). Vol. 3. The Institute for Bible Translation in Stockholm. (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Эдуардовна Воротникова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета.

Information about the author

Anna E. Vorotnikova — D. Sc. (Philology), Docent, Professor at the Department of French Language and Foreign Languages for Non-Linguistic Specialities, Voronezh State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.